

Верблюд ходил к Колдуну, а тот был, ^{с пьяну,}
вись,
Не понял, что даёт рога Верблюду бездарну.
И тот, с рогами ходя, нажил себе славу,
Кичится тем, что ему дано не по праву».

Так, как Верблюду – рога, писателям многим
Не пристала та слава, что имеют, убоги.
Может, им тоже Колдун какой-нибудь сдуру
Дал славу, не должну таким за их «литературу».

Татьяна ПАНАРИНА,
г. Тайга

ЗНАЕТ ТОЛЬКО СВЕЧКИ ОГОНЁК

Жалобно метался, извивался
Тонкой свечки яркий огонёк,
С треском, словно вырваться пытался,
Но в руках притих – видать, не смог.
Крепко впившись в воск, дрожали пальцы.
Замерло как будто бы на миг
Слабое дыхание скитальца.
Выдохнул он в небо слабый крик.

150
Вверх пополз извилистый и тонкий,
Растворяясь в воздухе, дымок.
Сколько пережил уже и скольких!
Знает только свечки огонёк.

ПОСЛЕ ПЯТИ

После пяти начинается новая жизнь.
Слышится смех от нелепой какой-нибудь
шутки,
Сказанной вскользь пассажиром привычной
маршрутки,
Из-под колёс даже снег по-особому ввысь

Мигом взлетает, подсвеченный бликами фар.
Город становится будто немного уютней,
Даже теплей, если к вечеру всё многолюдней:
Каждое сердце – там свой одинокий пожар.

Так безмятежен и лёгок становится шаг.
Свет фонарей вдалеке – опьяняюще-мягкий.
Воздух, наполненный свежестью, – терпкий
и сладкий.
Ветер срывает снежинки, как призрачный маг.

Взгляд, отражающий это, – как вечности миг.
Можно забыть обо всём, отпуская все мысли,

Студия «Притомье», г. Кемерово
Юрий КЛИМАНОВ

СТАРИННЫЙ АНЕКДОТ (переложение из Лафонтена)

В женитьбе есть беда – она не столько в том,
Что не всегда ты с полным кошельком
Из-за нарядов женских и уборов,
Но – нет покоя в доме из-за ссор и споров.

Подъехал к берегу одной реки Мужик
И говорил, заведев там Соседа:
«Утопла у меня Жена, старик;
Её ты мог недавно слышать крик;
Теперяче же труп её искать я еду».
Сказал Сосед: «А ты езжай вниз по течению –
Туда её могла унести река».
Но тут лицо у Мужика
Вдруг преисполнилось сомненья.
«Старик, тебе могу признаться:
Без ссор мы не могли прожить и дня –
Кричать она любила очень на меня –
И не приходится теперь мне сомневаться,
Что, жизнь проживши мужу вопреки,
Теперь она плывёт против реки».

СТАРИК И СМЕРТЬ (из Эзопа)

Старик в лесу однажды нарубил
Дрова и на плечах своих понёс до дому.
Путь был далёк. Устал он вскоре, положил
Дрова – и стал просить его земному
Существованью положить конец: «Умру –
Тогда, по крайней мере, отдохну».
И – вдруг! – возникла Смерть: карга с косой,
как есть.
«Зачем звал?» – «Помогла чтоб ношу мне
донести».

РОГАТЫЙ ВЕРБЛЮД (на мотив басни Кантемира, с небольшим этой басни изменением)

Увидела Лошадь раз Верблюда с рогами,
И рекла Быку она тогда: «Чудесами
Полон этот мир, коли бывает такое».
Но ей Бык отвечал тут: «Чудо здесь какое?

*Вырвать себя из привычной иллюзии жизни
И заглушить леденящий сознания крик.*

*После пяти будет завтра такой же этюд.
Дальше – меняются краски со временем года.
Но неизменна своя атмосфера, «погода»
После пяти, ведь тебя где-то любят и ждут!*

Алексей БЕРДЮГИН,
г. Кемерово

* * *

*Дымно-сумрачна дорога
В предрассветный тихий час.
Гомон птиц ленив немного,
Диск луны почти угас;
Равновесие, затишье,
Шаг вплетён в его узор,
Я иду и словно слышу
Дня и ночи разговор.*

* * *

*Не похож ни один снегопад –
В каждом тысячи мелких отличий,
Он такой же на первый лишь взгляд –
В этом мудрой природы обычай.
Есть законы – повторов в них нет:
Всё едино и всё различимо,
От песчинок до целых планет
Всё похоже и неповторимо.*

* * *

*Солоно-солнечно ясно,
Тени расслабленно спят.
Ягоды рассыпью красной
Томно на ветках висят.
Воздух несёт ароматы
Скошенной сочной травы
С тонкою примесью мяты,
С выдохом влажной листвы,
С запахом осени ранней.
Август почти пролетел,
Сколько в миру этих граней,
Сколько раздумий и дел.*

* * *

*Зреет освещение
Августовских дней.
Зреет ощущение
Ясности вещей.*

*Зреет понимание
Точности минут.
Точки созревания
По земле плывут*

* * *

*В дровах кудесничает пламень,
Упорно льёт свои пути.
Он то расходится волнами,
То очертанием взлетит.
Горяч и быстр по свойству сути,
Порою прячет языки
И, раздуваясь, ждёт минуты
Явить лучистые ростки
И снова масляно взвихриться.
Но цепким ритмом дорожа,
Объёмный рокот будет длиться
И сам себя держать, дрожа,
Пока, отдав все соки пыла,
Совсем дотла не прогорит...
Не так ли жизненная сила
И в разуме духотворит?*

Андрей ЛОГУТЕНКО,
г. Новокузнецк

157

ПАМЯТИ ГЕОРГИЯ ИВАНОВА

*А тебе в Париже легко жилось?
Знаю точно – нет... И Россия раной
На душе. Застыла – скопилась злость,
И вся жизнь как поезд, но без стоп-крана...*

*Пронеслась. Конечная – пустота.
А вернуться можно, хотя бы строчкой.
Только ведь Россия уже не та,
Да и мир не тот. И с небес ты точно*

*Видишь это всё, только всё равно...
Ты ведь там, вдали...
Ты сумел подняться
Вспышкой над уродливостью земли.
Больше ты не будешь по ней скитальцем...*

* * *

*Всё, что было, то перегорит,
Пеплом дней осыпется на душу...
Давняя привычка говорить
Переходит в увлеченье слушать.*

* * *

Я боюсь повторяться.
Я боюсь повториться.
Перепутать пространство,
События, лица...
Я боюсь постоянства и вечных традиций...
Я боюсь не проснуться,
А снова родиться.
Чтобы снова рассвет
Или крик на рассвете...
Вроде жил, вроде нет –
Только годы на ветер...
Не хочу снова в массы.
А хочу в небо птицей...
Чтобы не повторяться,
Чтобы не повториться.

* * *

Несколько раз был закинут невод,
Он приносил только мусор и тину.
Какие рёбра – такие Евы.
Зря не меси своей жизни глину.

Всё, что не понял, увидишь после.
Всё, что узнал, только шёпот лета...
Вот и Венера – в нелепой позе,
Руки свои потеряла где-то.

Только и может – орать да плакать.
Вот и гадай – что давно не ново:
То ли неправильно видел знаки...
То ли гончар ты не тот, одним словом.

Юлия ЧЕКУЛАЕВА,
г. Новокузнецк

* * *

Посмотри! Как белеет река,
Испугавшись июльского зноя.
Посмотри! Как плывут облака,
Удаляясь в пространство покоя.

Посмотри, как танцует трава,
Убегая за нить горизонта,
На зелёных лесов рукава,
На тропинок извилистый контур.

И, как небо горит изнутри,
Посмотри!

* * *

На тебя я люблю издали,
Подойти к тебе ближе рокою.
Все смотрю, затаив дыхание,
На твою черногривую шею.

Твои ноги сильные, стройные,
Пахнет грива свежей травой;
И идешь ты, хвостом помахиная,
По тропиночке к водою.

Я б к копытцам твоим бросился
И жевал твои губы бешено,
И не хватит слов самых искренних
Для моей
Лошадиной
Нежности!

* * *

Где та забытая избушка,
Где тот заросший огород?
Седая печь пекла ватрушки,
И ягоды просились в рот.

Промчалось детство на лошадке,
Зарос травой старый пруд,
И те, с кем я играла в прятки,
Уже меня не узнают...

152

Алевтина ПАВЛЕНКО,
г. Новокузнецк

* * *

В каждом окне запылённого города
Ночью ли, днём тяжелели шаги.
Каждый с душою, на ключья распоротой,
Плакал:
«Господи, помоги!».

В каждой руке грелось что-то бесценное;
Хрупкое, важное – не урони.
Каждый от счастья размером с Вселенную
Плакал:
«Господи, сохрани!».

Кто-то, молитвами губы изранивши,
В муках ночей не нашедши ответ,
Мир бесконечный слезами обривши,
Плакал:
«Господа нет».

*В каждом окне запылённого города
В стёклах дрожит бесконечный свет:
В каждой слезе по тому, что дорого,
Спрятан
Господа след.*

ЗОЛОТО

*Говорят, что молчанье – золото.
А я золото не люблю!
Мне молчанье – отбойным молотом
По некрепкому хрусталу.*

*И морозом по нежной коже.
И могильной плитой стоит.
А на золото не похожа
Ни одна из могильных плит!*

*Ты повесил на шею мне камень
Из молчанья в своей груди.
А мою – поедает пламень.
Что ты делаешь, пощади!*

*Моего бы огня хватило
На две сотни морозных зим!
Ты мне в горло вонзаешь вилы,
Но огонь, увы, не гасим.*

*Говорят, что молчанье – золото.
Только может оно убить!
Раз огни раздувает холодом –
Лучше золото не носить.*

* * *

*На огромной такой планете,
Под широким январским небом,
В ослепительном лунном свете
За окном, запылённым снегом,*

*Очень маленький человечек
Пьёт из маленькой кружки чай,
Коротает свой длинный вечер,
Необъятную гонит печаль.*

*А во мне, незаметной, крохотной,
Небольшое сердечко болит.
Оглушает холодным грохотом.
И тяжёлое, как гранит.*

*Не вмещается в нём человечиче!
Исполин, да ещё какой!
Но зачем-то увековечили
Столь большого во мне такой.*

*На планете безумно маленькой
И под небом ужасно низким,
Где ни спрячусь, куда ни бежала бы,
Человечек до боли близко.*

ВЕСНА

*Я сегодня займусь уборкой,
Ведь сегодня чудесное утро:
На небесной поверхности мокрой
Облака – как прозрачная пудра.*

*Свежий ветер, дождавшись свободы,
Вскрыл суровый оконный засов,
И земля, и небесные своды
Наконец-то запахли весной.*

*Я сегодня займусь уборкой –
Постираю большую душу.
В кипяток бы её, да с хлоркой,
Да отжать бы её потуже.*

*Пусть летят нерадивые птицы –
Слёзы, сотни ночей без сна,
Имена, телефоны, лица...
Отстираю! Ну, здравствуй, весна!*

*После стирки я сразу забуду
Этот ворох прогнившей листвы.
Нет. Пожалуй, стирать не буду.
Я боюсь, разойдутся швы.*

153

Татьяна ДМИТРИЕВА,
г. Тайга

СНЕЖНЫЙ АНГЕЛ

Он был лёгкой снежинкой, кружащейся в потоках ветра. Тогда он ещё не знал, кто он и зачем появился на этот дивный свет.

Однажды холодным февральским утром Бог призвал его. И он почувствовал, как за его спиной выросли крылья. Они были белыми, как только что выпавший снег. Солнце заискрилось на них разноцветными бликами. Наверное, весь мир должен был заметить это волшебное сияние. Так появился Ангел.

Сквозь пелену снега он увидел сверкающий путь – словно переплетение множества серебристых нитей. И чей-то голос прошептал ему: «Лети»...

...Студентка в общезжитии открыла окно. Холодный порыв ветра ворвался в комнату, бросив в неё горсть снега. Мелкие снежинки укололи лицо. Свежий воздух принёс облегчение, и тошнота немного отступила.

Ангел влетел в распахнутое окно и увидел младенца. Он был совсем крошечный и жил в тёплом, безопасном месте – в животе. Женщина, носившая этот живот, выглядела больной и усталой.

Вторую неделю подряд её тошнило и жутко болела голова. Подруга посоветовала взять в аптеке тест на беременность. «Не может быть!» – вырвалось у неё, когда тест оказался положительным.

От волнения у молодой женщины даже руки задрожали. Она ещё не окончила институт. А Сергей? Надо ему рассказать! Ведь они столько мечтали о будущем, о детях. Конечно, в этих планах они должны окончить институт, устроиться на хорошую работу. Ну, что ж, раз судьба распорядилась иначе...

Ангел расположился на спинке старого кресла и любовался маленьким чудом, быстро растущим в своём укромном месте. Чудо так светило, что его сияние передавалось хозяйке животика. Ангел ещё не понимал многих вещей, но он чувствовал сильную привязанность к этой маленькой жизни. И это было так восхитительно! Если бы ему было знакомо понятие счастья, он непременно бы назвал своё чувство этим словом.

Однажды днём к будущей маме пришёл мужчина. Они долго спорили, кричали, словно не видели сияния. Они ничего не замечали. Потом мужчина ушёл. А молодая женщина плакала и смотрела в окно. Она смотрела на улицу и видела только снежный холод и серость безликих домов. Чудо сжалось в комочек. Так продолжалось несколько дней. А потом она звонила, много говорила и снова плакала. Одним утром женщина тепло оделась и куда-то отправилась. Ангел следовал за ней.

Здание, в котором они оказались, было серым и холодным, неприятно отталкивало и пугало. В нём было много людей, таких же серых, как и само здание. Они не светились, их облик был подёрнут пеленой. Мимо проходили женщины с потухшими глазами и серыми, как камень, лицами.

Хозяйка животика устроилась возле других женщин, светившихся новой жизнью. Они так же были наполнены светом творения. Творения но-

вой жизни. Здесь были и другие Ангелы, и каждый из них привязан к своему животу. Ангел был счастлив встретить их, и они тоже были счастливы.

Радость Ангела могла бы быть бесконечной, но он почувствовал присутствие кого-то незнакомого. Это была угрюмая одинокая сущность, съёженная, как сухой кусок хлеба. Она сидела на подоконнике и наблюдала за всеми множеством чёрных глаз.

Ангел подлетел ближе.

– Кто ты? – спросил он. – Что ты здесь делаешь? Почему ты одна? У тебя нет крыльев?

– Стоит ли отвечать на такое обилие вопросов тому, кого скоро не станет? – безразлично ответила сущность.

– Что ты имеешь в виду? – удивился Ангел.

– Я лишь говорю, как будет, не вкладывая никакого другого смысла в свои слова. Ведь все вы здесь скоро перестанете быть.

– Здесь? А что это за место?

– Сам узнаешь, – ответила сущность.

Одна из женщин прошла в кабинет, а вместе с ней влетел и её Ангел.

– Ну хорошо, раз ты хочешь знать, я кое-что покажу тебе, – неожиданно согласилась сущность. – Всё равно мне здесь порядком наскучило. Идём.

Сущность скользнула с подоконника и повела новенького Ангела сквозь стену, вглубь того самого кабинета, куда вошла женщина. Помещение было ярко освещено холодным искусственным светом. На полу лежали сотни неподвижных белоснежных тел. Их крылья были сломаны, а тела растоптаны и перепачканы кровью. Они застилали пол каким-то страшным, уродливым ковром. А люди, одетые в белые одежды, ходили по ним.

– Они приходят сюда, чтобы убить своих детей, – произнесла сущность, – вместе с ними убивают и их Ангелов-хранителей.

– Но зачем им убивать своих детей? – спросил взволнованный Ангел. – Разве они не видят, как прекрасна жизнь?

– Нет. Они слепы. Лишь немногим дано понять то, что Бог посылает им дар, своё благословение. Он делится с ними великим чудом сотворения новой жизни. Смотри, – сущность указала на женщину, находившуюся в глубоком сне.

Над ней склонились люди в белых одеждах. Они пронзали её плоть, убивая свет искрящийся внутри. Ангел несостоявшегося ребёнка упал на пол. Он не шевелился. Женщина стала серой.

— Она больше не светится? — произнёс новенький.

— Нет. Она лишилась Божьего благословения, убив своё дитя. Теперь это её бремя.

— Значит, я тоже умру?

— Возможно.

Сущность устремилась сквозь стену, заняв прежнее положение на подоконнике.

— Ты так и не сказала, кто ты? — продолжал расспросы Ангел, следуя за ней.

— А разве это имеет значение? — отозвалась сущность. — Я безликое создание, порождённое муками этого места, и навсегда связано с ним. Я буду, когда тебя не станет и когда придут другие и не станет их. А теперь улетай. Не мешай мне питаться их болью.

Ангел оставил безликое существо. Он вернулся к животу, который всё ещё продолжал светиться. Неужели сама хозяйка животика не видела это волшебное свечение? Чудо забилося в дальний угол и замерло. Тогда Ангел спустился прямо на живот и обнял его. Он чувствовал такую любовь к этой маленькой жизни и так хотел оградить её от предстоящей боли... Чудо потянулось к нему, прислонившись к разделяющей их стенке живота. В это мгновение они были едины — ребёнок и его Ангел-хранитель. Носительница маленькой жизни сидела, устремив взгляд в одну точку на стене. Время тянулось мучительно долго. К тому же пришла она намного раньше, не выдержав одиночества пустой квартиры. «Скоро всё пройдет», — думалось ей. Она снова вернётся к привычной жизни. Снова будет уходить на учёбу, возвращаться в пустую квартиру и строить планы на будущее. И даже, может быть, Сергей вернётся. Ведь она всё сделает правильно. Правильно? А разве правильно убивать ни в чём не повинное дитя, вычеркнув его из своей жизни как ошибку молодости? К тому же она всегда хотела иметь ребёнка. Сможет ли она так же жить, смотреть на себя в зеркало, осознавая, что лишилась чего-то по-настоящему важного? «Может, встать и уйти?» Мысли бежали нескончаемым потоком, сменяя одна другую.

«Уж лучше вообще ни о чём не думать». Она закрыла глаза. В животе всё сжалось в комок. И вдруг она почувствовала лёгкое прикосновение, как будто кто-то незримый обнял её. А потом тепло разлилось внутри, и ей показалось, что ребёнок шевельнулся. Этого, конечно, не могло быть, срок беременности совсем небольшой, но ей так показалось, захотелось в это поверить. И

ей вдруг стало так радостно! Она открыла глаза и опять увидела перед собой серую обшарпанную стену. «Боже, что же я делаю?» — прошептала она.

Словно опомнившись, она встала и решительно зашагала к выходу. Наспех накинув на себя одежду, она вырвалась наружу из объятий этого жуткого места. Город встретил её холодным ветром, обжигающим лицо. Не оглядываясь, она побежала. Ветер трепал её волосы, вырывая локоны из-под капюшона, а она продолжала бежать. И после, задыхаясь на ступеньках своего подъезда, она смеялась, торопясь домой. Ведь ей столько предстояло сделать.

...Ангел наблюдал, как ребёнок рос. Он был счастлив, и хозяйка животика тоже. Однажды, читая книгу, она почувствовала, как ребёнок зашевелился. На этот раз это был отчётливый толчок, а затем снова.

«Ты моё чудо!» — ласково произнесла она, погладив живот рукой.

Ангел опустил рядом, укрывая их своими мягкими белоснежными крыльями. Она была не слепа. Она видела.

Литературный клуб «Вдохновение»,
пос. Кедровка

Сергей АТРОШКИН

ПЛАЦДАРМ

Я не запомнил этого рассвета.

Он, видно, был таким же, как вчера.

Диск солнца, как сигнальная ракета,

Взлетел с другого берега Днепра.

Вторые сутки взрывы не смолкают,

Вторые сутки кружат «мессера».

Нас с нашею землёй перемешают,

Чтоб сбросить в воды красные Днепра.

Нам не нужны ни почести, ни слава.

У нас приказ: «Держать любой ценой...»

За нашею спиною переправа.

Понтонный мост за нашею спиной.

«Мы держимся!» — кричит комбат по связи.

Но пуля в грудь — и он уже убит.

Не сбросят нас с плацдарма эти мрази.

Пусть в дыму стервятник не кружит.

Я не запомнил этого рассвета.
А он последний был восход земной.
Мы продержались, заплатив за это
Ценой, пожалуй, самой дорогой.

Пойдут пехота, танки и «катюши»
Через плацдарм, который устоял.
Но кто-то обезличил наши души
И в «без вести пропавшие» вписал.

Алевтина СИЛАНТЬЕВА

* * *

Смотрю на неба купол голубой,
На птиц, поющих так самозабвенно,
И понимаю, как несовершенна
Я в этом Мире, созданном Тобой.

Дорога к храму заросла травой,
Мир разлетелся тысячью осколков,
Упавших много на дорогах скользких,
Брожу меж них с поникшей головой.

Спасти себя – ни разума, ни сил,
Спасать других не просто научиться,
Мне надо умереть и возродиться,
Чтоб совершенней стать, как Ты учил.

Людмила ОСТРОУМОВА

* * *

Мы чужие родной стороне,
Но она нам совсем не чужая.
С нашим домом, цветком на окне,
С тем, что сердце с рожденья вмещает.

Здесь извечный царит неуют,
Здесь вскрываются недра земные,
И ругаются матом, и пьют
Водку с привкусом слёз и полыни.

Но попробуй душой нас отринь
От страны, от родного порога,
От извечных для сердца святынь –
Всё равно, что отринуть от Бога.

* * *

Здесь всё меня переживёт...
А. Ахматова

Здесь всё меня переживёт, и слава богу,
Что мир не может нам принадлежать.
Мы погостили – и пора в дорогу,
Нехитрый скарб душевный собирать.

И пусть, и пусть пребудут в мире вечно
Леса и горы, реки и поля.
Однажды ты был так же ими встречен,
Щедра была к тебе твоя земля.

Пусть мы уйдём, мы странники-бродяги,
Никто не знает, где наш отчий дом.
Переживи меня, листок бумаги
С моим последним радостным стихом.

Татьяна ЦУПРИКОВА

* * *

От прощания до прощенья
Целый век искупать грехи.
Идеалов моих крушение
Воплотилось в мои стихи.
Все поверия и поветрия,
Что вошли в мою плоть и кровь,
Принимала их на доверии,
Принимаю их вновь и вновь.
Все предчувствия и сомнения,
Что покоя мне не дают,
Мне дороже чужого мнения.
Я сама им и паперть, и суд.

* * *

Время старше меня и сильней, но страшусь
я его постоянства.
Пью подаренный утром рассвет и дурею
от этого пьянства.

То ли время втекает в меня, то ли я из него
вытекаю.
Высекаю из камня огонь и себя, словно жертву,
сжигаю.

Пепел мой принимает земля, ветер носит
останки по свету.
Нету больше такой же, как я, меня много
на этой планете.

Татьяна ТЕРЕЩЕНКО

* * *

*Как долго
мы не виделись с тобой!
Столетия?
Может быть, века?
Чтоб встретиться
под новою звездой,
Чтобы твои глаза
взглянули на меня,
Чтобы рука руки
коснулась в танце вдруг,
Остановилось время,
чтоб сердце
услышать стук.*

*Была любовь. Была весна.
Земля кружилась.
Не знаю, в чём моя вина,
Но не сложилось.*

*Пришли другие времена –
На небе тучи.
Другую стала и страна:
Герой – кто круче.*

*Но жизнь, какой бы ни была,
Всегда отрада!
Вот снова март, пришла весна.
Грустить не надо.*

Юля ШКУРАТОВА,
г. Кемерово

Студия «Слово», г. Кемерово

Ирина ЖУК

* * *

*Раным-рано на заре босиком
По траве, по росе прямоком
Через поле, через рожицу к реке
Побегу, весела, налегке.*

*Блеском манит она. О, да!
Глубока, холодна та вода!
Окунуться я в неё нагишом,
«О-го-го!» – крик души ни о чём.*

*Солнце будет дорожку стелить,
Я по ней буду плыть и плыть,
Сколько хватит сил – и назад,
В город, в пекло, в привычный лад.*

*Но спасает меня мысль о том,
Что я вновь на заре босиком
Через поле, через рожицу к реке
Побегу, весела, налегке.*

Ольга ЖЕЛТУХИНА

* * *

*Беспечной юности пора
Не повторится.
Я помню двор... Сирень цвела...
Родные лица...*

ЧУДО РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ОБЫКНОВЕННОЕ

157
День был студёный и пах молоком. В будто просоленном воздухе клубы пара напоминали клубы дыма из каминов пряничных домиков на рождественской открытке. Рождество приближалось всерьёз. Не витрины с разукрашенными голубыми и серебристыми снежинками и красными шарами, не веточки кустов, покрытые снегом, аккуратно торчавшие из сугробов, как расчёсанные волосы или след, оставленный граблями на позёмке после садовых работ, – уже сам воздух со всей ответственностью, выражающейся в стекляннот густоте и одновременно прозрачной хрусткости, заявлял о том, что над миром повис волшебным куполом декабрь.

Тугая ночь выдалась в ту пору у возникшего. «Как будто дня им мало, будут ездить до самой ночи», – ворчал он как бы про себя, накручивая поводья. Человек он был не молодой, не старый, но с густой чёрной бородой и бровями, почти вовсе закрывавшими глаза. Глаза, кстати говоря, не имели ничего общего с его обликом и сияли пронзительной, а в эту пору особенной, рождественской голубизной, однако ж, в силу хмурости и холода, прятались они под пышными бровями. Возничий запахнул лиловый с оттенком красного тулуп, в темноте только свет крупных, словно по наивности спустившихся поближе к земле поглядеть, как наступает праздник, звёзд обозначал его цвет, и казался он, подобно бороде и рукавицам, почти чёрным.

Возничий, привычный к темноте за долгую зиму, вдруг заметил блеск двух звёздочек в тем-

ноте на другой стороне улицы. Только это было вовсе не звёздочки, а два огромных, то ли от сосредоточенности, то ли от страха, глаза. Возничий приподнял козырь шапки и взгляделся; звёздочки на миг погасли, словно поняв, что их заметили, и раздумывая, дать ли об этом знать заметившему. Через одно молчаливое мгновение (только ветер широким белым мазком прошёлся по деревьям) звёздочки зажглись снова и стали осторожно приближаться.

– Здравствуйте, дяденька, – голосок у существа был тоненьким и тихим.

Возничий подошёл ближе и наклонился, кончик из серых шалей и тулупчика до пят скрывал бледное детское личико, звёздочки-глазки смотрели на него так, что даже неловко показалось быть таким большим, и потому возничий присел на корточки, попытался улыбнуться и спросил:

– Здравствуй, дитяtko. Как звать тебя, закутоныш?

Наверное, улыбка вышла неуклюжей – существо как будто только ушло глубже в свой кокон и потупило глазки.

– Дяденька, я потерялась, – раздалось из-под шали вместо ответа.

Возничий нахмурился – девчонка, значит, – как бы не расплакалась.

– Ну ничего, ничего, дитяtko, разберёмся, найдём, привезём, видишь, и лошадка тебя уж заждалась...

Девочка притихла совсем, но ярко-голубые лучики глазёнок наставила на чернющую по такой темноте кобылу, которая спокойно разглядывала кокон в ответ своими сонными глазами и что-то жевала...

– Да, да! – оживился возничий. – Я, значит, только за уздцы, а она – ни в какую, говорит: «Ждать будем, хозяин... э... закутоныша, его домой бишь надо доставить». Её, – поправился возничий, чуть помедлив. – Вот мы и стоим тут, значит, дождались, полезай, доедем куда скажешь. Ты где живёшь?

– Не зна... – голос девочки становился всё тише и тише, и последние звуки потонули где-то в многочисленных слоях покрытых инеем шалей.

– Ну дела... Так, может, хоть улицу знаешь или место какое-то приметное рядом там есть, для ориентировки надо.

– Место? – всё так же тихо спросила девочка-кокон.

– Без места никак. Для ориентировки надо место, памятник какой или церковь, здание необычное.

– Церковь! – тут же выпалила малышка и, чуть помедлив, уточнила: – Блестящая церковь.

– Ну вот видишь, не вешай нос, доведём тебя до церкви, а там... Городок у нас невеликий – найдём семью твою, ещё до полуночи будешь дома.

Возничий помог «закутонышу», как он прозвал про себя девчонку, забраться на козелки и тронул кобылку. Не сразу он вспомнил, что церковь-то в городишке была и ехать до неё, даже при такой погоде, не больше получаса, как раз здесь недалеко. Вот только блестящей её ни при каких раскладах назвать было нельзя: старенькая, каменная, с такими же сероватыми от времени маковками, прорези оконцев не из слюды, конечно, но и не заморские витражи, даже крест деревянный – чему там блеснуть? «Ну да мало ли что ребятёнку привидится. Дети, ведь они что? – рассуждал возничий, одной рукой погоняя лошадку, другой придерживая свой неожиданный «ценный груз». – Дети, они и веточку какую найдут – для них это меч или что там у девочек».

Закутоныш молчала всю дорогу, да и возничий молчал в бороду, не зачем было говорить, до разговоров он был не охотник. Ветер уютно подсвистывал в ветвях тополей и среди домов, а два кокона – большой и маленький – медленно покачивались в такт лошадиному шагу.

Наконец показалась и церковь, возничий натянул поводья: «Тпруу!» – и спешил. Девчушка, не успев он помочь, сама на удивление юрко прыгнула в снег и припустила, насколько позволял тулуп, к тёмному силуэту церкви с жёлтыми глазками окон – шла праздничная служба, в поздний час лишь эти огоньки освещали дорожку от повозки до ступенек. Возничий снял шапку и поспешил следом по выхваченной светом тропинке. Человек он был неверующий, но знал, шапку снимать положено.

– Ты постой, как бы опять не затерялась! – крикнул он, поспешая и улыбаясь в густой бороде – раз бежит, стало быть, знает куда, узнала, может, мамку: две женщины в простых тулупах и белых праздничных платах как раз поднимались по ступенькам.

Девочка притормозила у самого крыльца и обернулась: глазки-звёздочки блеснули ярко-голубым и на бледном личике расцвела улыбка.

– Спасибо, дяденька! – сказала она, потупившись.

К ним уже спешила раскрасневшаяся женщина в длинной юбке, которую придерживала рукой, и в тяжёлых, словно мужниных, валенках.

РОДНАЯ КРАСОТА

*Берёзы, да сосны, да ели
Мелькали в вагонном окне.
Мы молча в окошко глядели
На чудо в родной стороне.*

*Навстречу коврами бежали
Цветущий кипрей, огонёк.
Им, кажется, ветры шептали
О том, как я был одинок.*

*Раскинулась хлебная нива.
И снова тайга за тайгой.
Наш чай остывал терпеливо,
Под ладный колёс перебой.*

*Душа потихоньку согрелась,
Наполнилась силой земной,
И новая песня запелась
Для нас, одиноких, с тобой.*

Олимпиада ИСАЕНКО

* * *

В. Фёдорову

*Не утаю своё волнение:
Брожу по Родине твоей.
Выводит до самозабвенья
В ветвях рулады соловей.
В окрестной роще под листвою
Сокрыты детские следы:
Ещё мальчишкой с детворою
Здесь босоногим бегал ты.
Смолк соловей, чтоб осторожно
Я на Назаркиной горе
С благоговеньем, с лёгкой дрожью
К твоей притронулась судьбе.*

159

– Ну мне пора, – как-то осмелев, сказала закутоныш и, чуть смутившись, добавила: – А я знаю, что это было. Это рождественское чудо, а вы...

Возничий от детского доброго слова даже растерялся, покраснел, заулыбался, и улыбка эта впервые стала заметна из-под бороды.

– Как звать-то тебя хоть? Скажи, закутоныш.

Но тут подбежала мать и одновременно радостно и сердито – но скорее радостно – закрычала:

– Вера! Вернулась! А я тебя весь вечер искала по соседям, ты где была?

– А я никуда и не уходила, – сказала девочка, находясь в объятиях мамы, а глазки-звёздочки всё поглядывали на возничего, и у того, несмотря на мороз, на душе теплело.

Студия им. В. Д. Фёдорова,
г. Анжеро-Судженск

Людмила СЕДЕЛЬЦЕВА

НЕ СТАЛ

Был Божий дар – росток-ребёнок.

Он не родился на земле.

Ты избежишь проблем, пелёнок,

А он останется во мгле.

Он БЫТЬ хотел!

Он шёл на землю!

Его Господь сюда послал.

Твои же мелкие проблемы

Решили всё.

И он НЕ СТАЛ!

Не стал он добрым человеком.

Не стал весёлою душой,

Не стал отцом,

Не стал он дедом

Семьи счастливой и большой.

А ты живи, решай проблемы!

Поверь, не будет меньше их.

Они придут –

Господь отмерит

Тебе их ровно на двоих!